

Юрий Дружников

Идеологический миф о Пушкине в 1941-1945 годах

Studia Rossica Posnaniensia 26, 83-95

1995

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ О ПУШКИНЕ В 1941-1945 ГОДАХ

THE IDEOLOGICAL MYTH OF PUSHKIN IN 1941-1945

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ

ABSTRACT. The paper focuses on the blend of propaganda and actual research carried out by Pushkin scholars during the War. Topics to be covered are: the historic supermyth of Mother Russia – The Third Rome; the general myth of the poet and several submyths created during the war; how Pushkin's name was exploited in the campaign against cosmopolitans; some aspects of his actual attitude toward his motherland.

Yuri Druzhnikov, Russian Department, University of California, Davis 95616, USA.

Основной причиной того, что Александр Пушкин, „центральный художник”, по выражению И. С. Тургенева¹, оказался привлекательной целью для советской идеологии, несомненно служила популярность великого поэта, его всеобщая известность в стране. Отметим два периода второй мировой войны, когда государственный миф об А. С. Пушкине формировался, обретая новые формы.

Изначальные установки социалистической концепции полезности русского классика для нового времени сформулировал после Октябрьской революции народный комиссар просвещения А. В. Луначарский. Дворянский, помещичий поэт Пушкин, по мнению тогдашнего главы культурно-просветительной политики, прошел своеобразную чистку: „экзамен огненного порога, отделяющего буржуазный мир от первого периода мира социалистического, Пушкин безусловно выдержал и, по нашему мнению, выдержит до конца”. Он должен стать „учителем в строительстве внутреннего мира, учителем пролетариев и крестьян”².

На известной лестнице освободительных движений в России, предложенной В. И. Лениным и состоявшей из трех этапов, Пушкину было отведено место на нижней ступени подле декабристов. Подразумевалось при этом, что развитие революционного движения однозначно вело в конечном счете к победе большевиков и утвержде-

¹ И. С. Тургенев, *Речь на открытии памятника Пушкину в Москве в 1880 году. Собрание сочинений*, т. 10, Москва 1962, с. 303.

² А. В. Луначарский, *А. С. Пушкин*. В: Пушкин. ПСС, т. 1, Москва-Ленинград 1936, с. 30, 37.

нию в стране коммунистической системы³. Постепенно пропаганда сближала Пушкина с Октябрьской революцией, минуя промежуточную ступень.

В 1937 году – в столетнюю годовщину со дня смерти поэта – терминологии „друг декабристов” и даже просто „декабрист”, принятой по отношению к Пушкину ранее, уже оказалось недостаточно, и Пушкин просто стал советским человеком. „Пушкин целиком наш, советский, – писала газета „Правда”, – ибо советская власть унаследовала все, что есть лучшего в народе и сама она есть осуществление лучших чаяний народных... В конечном счете творчество Пушкина слилось с Октябрьской социалистической революцией, как река вливается в океан”⁴. Столетний юбилей пышно праздновался в год великого террора, сопровождавшегося арестом ряда пушкинников, в том числе тех, кто незадолго до этого был включен (по-видимому, лично Сталиным) в юбилейный комитет.

Наконец, в 1941 году был сформирован миф о Пушкине как величайшем патриоте России, и объявил об этом Сталин лично. Среди многочисленных мифов о Великой Отечественной войне, которые сегодня открыто дискутируются в специальных журналах и общей прессе не только западными, но и бывшими советскими историками, этот миф об Александре Пушкине стоит особняком и пока еще не подвергался анализу. Известную трудность для исследования представляет получение достоверных архивных материалов, поэтому предлагаемая гипотеза потребует последующих уточнений.

О Пушкине – великом патриоте создателями мифа в сороковые годы защищен ряд диссертаций. Литература насчитывает десятки названий книг и сотни статей, поэтому привести библиографию в данной работе не представляется возможным⁵. Литературоведческая ценность, если оставить в стороне политическую целесообразность, этой библиографии не велика. Большинство работ повторяет одни и те же исходные тезисы, которые нам предстоит систематизировать. Именно эта литература пыталась подвести научную основу под миф.

Миф о Пушкине представляет собой как бы часть другого, более общего мифа, который я бы назвал „супермифом”. Этот супермиф уходит корнями в далекое русское прошлое: супермиф о пре-

³ См., например, исследование: В. Кирпотин, *Наследие Пушкина и коммунизм*, Москва 1936.

⁴ Передовая статья, „Правда”, 10 февраля 1937.

⁵ Помимо обычных каталогизированных материалов на данную тему в Государственной российской библиотеке (бывшей Ленинской) и Государственной исторической библиотеке, представляют интерес каталоги диссертаций в этих библиотеках и хранилище диссертаций в Архиве Академии педагогических наук в Москве.

восхождении русских и вытекающей отсюда их месснианской роли в истории, супермиф о России как Третьем Риме („а четвертому не бывать”). Именно этот супермиф трансформировался впоследствии в коммунистическую идею освобождения всего человечества так называемой „первой страной победившего социализма”, просуществовал до девяностых годов нашего столетия, и мы свидетели его коллапса.

К ноябрю 1941 года немецкие войска подошли к Москве. Правительство и дипкорпус были эвакуированы в Куйбышев. Паника и страх перед наступающим полным разгромом диктовали свои жесткие условия. Стало очевидно, что принятая идеология не эффективна и с ее помощью не удастся убедить людей, что необходимо умирать за идею. Происходит переоценка ценностей. До войны в течение почти четверти века существовал марксистский миф о пролетариате, у которого нет отечества – „братская солидарность трудящихся всего мира”. Война показала, что этот миф не работает. „Братская солидарность” немецкого пролетариата оказалась фикцией. Россия возвращалась к мифу великодержавному „Москва – Третий Рим”.

Власти обращаются к национальным святыням, которые являются истинными ценностями. Происходит реабилитация православной церкви. Во время войны происходит такое знаменательное явление, как возврат от пролетарского искусства к классике. Радио передавало классическую русскую литературу в художественном чтении, классическую музыку больше. Конечно, с упором на военный героизм. Зазвучали классические романсы на слова Пушкина. Исключение составляли разве что советские военные песни.

По мнению литературоведа В. Д. Свирского, обычно мифы зарождаются постепенно, их признаки становятся отчетливо видны до официального провозглашения⁶. Для анализируемого мифа о Пушкине можно точно назвать не только год и место его появления, но даже день и час, – вечер 6 ноября 1941 года. Имеется ввиду торжественное заседание, имевшее место под землей, на станции метро „Маяковская” в Москве в канун 24-й годовщины Октябрьской революции, доклад Сталина на этом заседании. Сталин упомянул Пушкина один раз, но цитата стала опорной точкой создания данного мифа и определила на много лет вперед основную задачу пушкиноведения. Чтобы оценить цитату, придется не только привести ее полностью, но проанализировать контекст.

В докладе Сталин размышляет о национализме. „Пока гитлеровцы занимались собиранием немецких земель... их можно было

⁶ В. Д. Свирский – Ю. И. Дружникову. Письмо от 5 декабря 1991 года. Личный архив автора.

с известным основанием считать националистами⁷. В данном контексте национализм в Германии оценивается как нечто рациональное. Этот тезис вскоре понадобится для оправдания национализма в Советском Союзе.

Сталиным упомянут идеологический противник Ленина Плеханов, а также такой независимый ученый как академик И. П. Павлов. Думается, не до внутренних политических распрей было Сталину. Единение всех перед лицом смертельной опасности руководило им. Логично также, что из всех категорий деятелей больше всего (четверо) упомянутых – писатели, инженеры человеческих душ. Все названные имена были затем использованы пропагандой в качестве символов нации, святынь, которые нужно защитить от врага, спасти. В том же номере газеты, после доклада, как тогда было принято, опубликованы стихи Максима Рыльского, иллюстрирующие положение доклада Сталина⁸.

Где все растет неутолимо,
Где ум пылает как костер,
Где с тенью Пушкина родимой
Вел Маяковский разговор,
Где каждый памятник бесценен,
Где каждый камень – славы след,
Где всем земным народам Ленин
Явил немеркнущий рассвет... (И т.д.)
Народов рать идет сражаться
За свет, за счастье, за Москву!

Идеологический миф обретал литературную, поэтическую форму.

Тень Пушкина ожила и принимала участие в войне. Его имя было начертано на танках, кораблях, самолетах. Пушкинисту И. А. Новикову было тогда 65 лет, он жил в эвакуации на Урале. В юбилейные даты Пушкина Новиков читал главы из сочинений о Пушкине на организованных партийными органами платных вечерах. Сбор за билеты составил свыше 100 тысяч рублей и пошел на постройку самолета. Новикову прислали телеграмму следующего содержания: „На собранные вами средства построен боевой самолет-истребитель «Александр Пушкин», который 28 июня передан в Военно-Воздушные силы Красной Армии летчику капитану Горохову”. Позже общалось: „В боях «Александр Пушкин» сбил девять фашистских

⁷ Доклад И. В. Сталина 6 ноября 1941 года, „Известия”, Москва, 7 ноября 1941. Учитывая, что все советские газеты во время войны перепечатавали информацию ТАСС, анализ мифа о Пушкине в данной работе строится на основе микрофильма центральной газеты „Известия” за 1941-1945 гг.

⁸ „Известия”, 7 ноября 1941. Обычно в таких случаях из редакции ночью звонили подходящему поэту, и через полчаса он диктовал по телефону стихотворение на заданную тему или привозил текст в редакцию лично.

самолетов". После войны исследователь творчества Пушкина И. А. Новиков написал стихотворение под заглавием *Самолет „Александр Пушкин“*:

Так, русские, мы и наш русский поэт,
Чей музы не гаснет пленительный свет,
Победный предчувствуя вольный полет,
Совместно сковали ему самолет⁹.

Учителя в школах должны были на уроках увязывать патриотизм Пушкина с героизмом солдат на фронте. На выставках демонстрировались томик Пушкина, простреленные пулями. Очерки военных корреспондентов рассказывали о солдатах, умиривших со стихами Пушкина на устах. Само собой, пушкинские даты (день рождения и смерти) использовались для организации митингов, на которых говорилось о мести врагу, посмевавшему посягнуть на наши святыни. Торжественно отмечались события, связанные с освобождением от врага „святынь” – пушкинских мест: города Пушкина (Царского Села), Одессы, Кишинева, Михайловского.

Летом 1944 года научные сотрудники Института русской литературы Академии наук СССР проводят ряд бесед и лекций о Пушкине в частях Красной Армии и на кораблях Краснознаменного Балтийского флота. 6 июня, в день рождения Пушкина, в Ленинграде проводится многотысячный городской митинг, посвященный 145-летию со дня рождения поэта.

Тексты о Пушкине в газете „Известия” публикуются на видных местах, рядом со списками награжденных работников НКВД за освоение Дальнего Востока (что значит, за строительство лагерей и организацию труда в них), а также славословиями товарищу Сталину. То и дело повторяются одни и те же цитаты о любви Пушкина к родине.

Газеты сообщают об успехах в восстановлении города Пушкина (Царского Села), где учился в лицее и жил на даче поэт. Гитлеровцы во время отступления разрушили город: „Загублены величайшие ценности. Германцам придется оплатить счет сполна”¹⁰. Газеты писали о зверствах и разрушениях заповедных пушкинских мест. Все места, где жил Пушкин восстанавливаются и превращаются в национальные святыни. В Михайловском, родовом имении Пушкиных, возле разрушенной могилы поэта в Святогорском монастыре наклеены надписи: „Великому Пушкину – от танкистов эскадронной бригады”, „Пушкину – от сталинских соколов” и пр.

⁹ И. А. Новиков, *Собрание сочинений*, т. 4, Москва 1967, с. 448. Примечания, с. 544.

¹⁰ „Известия”, 5 июня 1945.

Создана специальная правительственная комиссия во главе с писателем Алексеем Толстым, которая на месте, в Михайловском, установила разрушение культурных ценностей, и в газетах призывали отомстить немецким фашистам за надругательство над великим русским поэтом. На деле пушкинские места были разрушены фашистами не первыми; первый раз имения были разграблены и разорены крестьянами во время Октябрьской революции.

О митинге, посвященном 145-летию со дня рождения Пушкина, 12 июня 1944 года в городе Пушкине, сообщали все средства массовой информации. В городе только что восстановили Дом культуры, который заполнили жители, офицеры Красной Армии. Вера Инбер, известная тогда поэтесса, закончила свою речь о Пушкине следующими стихами:

Мы слово „Пушкин“ говорим
И видим пред собой поэта,
Который родной любим,
Как солнце, как источник света.

Мы слово „Пушкин“ говорим
И видим пред собою;
Он снова наш, опять над ним
Сияет небо голубое.

Мы слово „Пушкин“ говорим,
Поэт ли, город – мы не знаем,
Душой мы с первым и вторым,
Мы их в одно соединяем.

И город наш, и человек –
Они для нас равны по силе,
Победой слитые навек
В едином образе России¹¹.

Разумеется, это была, так сказать, дежурная лирика, написанная к событию. Но официальный поэт Вера Инбер политически точно соединила три важнейших политических фактора: великий символ России Пушкина, предстоящую великую победу и великую Россию.

На этом митинге, состоявшемся за одиннадцать месяцев до окончания второй мировой войны, профессор В. А. Мануйлов сосредоточил внимание собравшихся не столько на ставшем уже традиционным патриотизме Пушкина, сколько на общеевропейском и мировом значении творчества великого русского поэта. Миф обретал новую окраску. Война двигалась на Запад. В планах Сталина было „освобождение“ всей Европы. Следовало научно доказать, что русская культура выше и лучше западноевропейской, что западным

¹¹ Памяти великого русского поэта. „Известия“, 13 июня 1944.

странам надо готовиться изучать и любить все русское. Разумеется, Пушкин, уже поставленный на службу идеологии, должен был участвовать в этом новом процессе.

В том же 1944 году проводится научная конференция о роли русской науки в развитии мировой науки и культуры. Венцом современной культуры, у истоков которой стоял Пушкин, были объявлены два человека. Ректор МГУ проф. И. С. Галкин в своем докладе говорил: „Величественное здание русской науки увенчивают имена гениев человечества Ленина и Сталина”¹².

В день победы, 9 мая 1945 года, газета публикует статью известного официального драматурга Николая Погодина. Погодин вспоминает речь Сталина 6 ноября 1941 года. „И в те часы на устах Иосифа Виссарионовича прозвучало имя Пушкина... какая это была светлая, возвышенная мысль гордой, пламенеющей души!”¹³.

Н. Ф. Погодин цитирует большую часть одного из смыслов шовинистических стихотворений Пушкина *Клеветникам России*, написанного в 1831 году и сразу же опубликованного специальной брошюрой – по случаю подавления русскими войсками восстания в Польше.

...Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?

По очевидным причинам традиционное русское и советское литературоведение избегало детальной критической оценки этого стихотворения Пушкина. Оно отражает реакцию русского правительства в связи с западными заявлениями о вмешательстве России в польские дела, слабые дипломатические попытки Запада защитить демократию поляков. В конце войны, в складывающейся в Восточной Европе аналогичной ситуации инвектива *Клеветникам России* снова становится актуальной, и авторитет Пушкина прямо поддерживает действия советского правительства. Погодин цитирует еще две строки из того же стихотворения Пушкина, где говорится, что Россия готова уничтожить и дальше любого противника.

Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов¹⁴.

Министерство просвещения РСФСР распространило циркулярное письмо учителям русского языка и литературы, в котором говорилось, что учителя обязаны требовать от учащихся заучивать стихотворение *Клеветникам России* наизусть. Между тем, еще во вре-

¹² *Великие традиции русской науки*, „Известия”, 13 июня 1944.

¹³ Н. Ф. Погодин, *Свершилось!* „Известия”, 9 мая 1945.

¹⁴ А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений (Малое академическое)*, далее – ПСС, т. III, Москва 1977-1979, с. 209.

мена Пушкина после публикации стихотворения и русские, и польские друзья, включая Адама Мицкевича, резко критиковали поэта за крайне правую позицию, в нем выраженную. Больше того, в индивидуальном психологическом плане стихотворение это стало, по существу, началом кризиса, который сделал Пушкина менее популярным в литературе тридцатых годов прошлого века. В 1945 году эти стихи соответствовали националистической концепции, провозглашенной Сталиным. Худшая политическая инвектива Пушкина по логике мифа стала выдаваться за шедевр русской поэзии. Любопытно, однако, что в комментариях к этому стихотворению во время войны нигде не указывается, что стихотворение написано в связи с Польшей: союзники могли возмутиться, а это не входило в планы Сталина.

Сразу после войны Советский Союз в каком-то смысле снова готовится к войне, – на этот раз со всем миром: но это была холодная война. Советские солдаты вернулись из Европы домой, и власти не хотели, чтобы разительный контраст жизни в России приводил к недовольству, как это случилось после первой Отечественной войны 1812 года.

После войны тема Пушкина остается важной частью пропаганды. „Памятник Пушкину – на прежнем месте” – гордо сообщает газета о монументе Пушкину в городе Пушкине (Царском Селе). Когда Красная армия отступила, скульптуру Пушкина „советские патриоты сняли и закопали глубоко в землю”. В январе 1944 года, когда солдаты ворвались в город, они обнаружили только расколотый постамент. После победы в мае 1945 года монумент был раскопан и поставлен на прежнее место¹⁵.

Однако в новых условиях значение и роль великого русского поэта меняются. Смысл статей теперь: Пушкин вместе с советским народом стал победителем. Производится ревизия прошлого, чтобы доказать, что победа – закономерное явление в истории России. В пушкинистике выделяется тема „Пушкин и Петр Великий” – с упором на понимание Пушкиным значения сильного царя, необходимости для России расширения своих территорий и т.д. В июне 1945 года умер В. В. Вересаев, выдающийся биограф Пушкина, и даже некролог используется для искаженного толкования биографии, чтобы сказать о Пушкине те же пропагандистские штампы¹⁶.

В учебниках истории для средних школ и вузов изымаются или сокращаются главы, рассказывающие о поражениях русской армии, таких как крымская война или русско-японская война. Более де-

¹⁵ „Известия”, 27 мая 1945.

¹⁶ „Известия”, 4 июня 1945.

тально рассказывается о победах и – в общем виде – о непобедимости русской и советской армии. Академик В. П. Потемкин в своем исследовании изымает из русской истории даже татаро-монгольское иго и заявляет: „Уже первые шаги русского народа предвещали будущее величие России”¹⁷. Это и многочисленные подобные утверждения тех лет уместно сравнить с указаниями историкам, данными А. Х. Бенкендорфом столетием ранее: „Прошедшее России было удивительно, настоящее более чем превосходно, и что касается ее будущего, то оно выше всего, что только может себе представить наиболее смелое воображение; вот... точка зрения, с которой должна быть рассматриваема и изображаема история России”¹⁸.

Далее в упомянутой выше статье В. П. Потемкина переходит к сопоставлению западных духовных ценностей и отечественных: „Духовные властители Запада – Лейбниц, Вольтер, Гримм, Дидро (по-видимому, случайный подбор группы представителей Запада – Ю. Д.) будут дивиться, видя, какими исполненными шагами шествует по пути прогресса русский великан. Русская литература засияет созвездием таких имен, как Радищев, Державин, Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Крылов, Тургенев, Достоевский... Корифей марксистской науки – Ленин и Сталин, большевистская партия подняли Россию на небывалую высоту”¹⁹.

Как явствует из текста, западных ученых В. П. Потемкин сравнивает с русскими писателями. Венцом развития культуры он называет не только Ленина и Сталина, но и партию большевиков в целом. Наиболее впечатляюще в этой статье заявление Потемкина, одного из руководителей советской науки 40-х годов, о том, что Лейбниц, Вольтер и Дидро, умершие в восемнадцатом веке, будут восхищаться Пушкиным, Лермонтовым и другими русскими писателями девятнадцатого века.

Но сам пафос статьи не случаен. Ревизия Пушкина и отечественной культуры вообще, которая имела место в течение второй мировой войны, завершается после войны, и это связано с кампанией борьбы с космополитизмом. Пушкинская биография в учебниках и массовых изданиях была очищена от реальных фактов и противоречий дореволюционного пушкиноведения, которое много сделало для объективного изучения биографии и творчества этого писателя.

Отметим следующие части мифа, или „подмифы”, которые легли в основу идеологического мифа об Александре Пушкине периода войны.

¹⁷ *Народ-герой, народ-победитель*, „Известия”, 23 мая 1945.

¹⁸ Цит. по: В. Богучарский, *Из прошлого русского общества*, Санкт-Петербург 1904, с. 327.

¹⁹ *Народ-герой, народ-победитель*, „Известия”, 23 мая 1945.

Подмиф А. Происхождение Пушкина: русский человек и русский писатель, он сам считал себя потомком негров, поскольку предок его по матери, урожденной Ганнибал, был вывезен из Эфиопии и подарен Петру Великому. Кроме того, по отцу генеалогическая линия восходит к шведскому выходцу Радше. Теперь подчеркивалась чистая „русскость” Пушкина.

Подмиф В. Пушкин вырос в дворянской семье, где говорили по-французски. Русский язык Пушкин выучил, когда ему было пять лет. Лицей, учебное заведение, которое он окончил, был французского типа. Первые его литературные произведения были написаны по-французски. И зрелым автором форму, а иногда и содержание Пушкин заимствовал из произведений европейской литературы. Впоследствии он писал прозу и стихи по-русски, но и в конце жизни сообщал П. Я. Чаадаеву: „Я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычнее нашего...”²⁰. Даже подписывался русский поэт по-французски: Poushchine.

В мифе о патриоте эти аспекты биографии отошли на задний план, заменены влиянием русского народа, русского фольклора, воспитанием русской няни и т.д. Какое бы то ни было влияние иностранной литературы полностью отрицалось. Подчеркивалась также роль „его борьбы за самобытность русской культуры, вопроса о связи его патриотизма с прогрессивными тенденциями исторического развития”²¹.

Подмиф С. В. И. Ленин сконструировал модель из трех ступеней русской революции, в начале которой стояли декабристы, а в конце, завершая ее — большевики. Пушкин, который был в Петербурге и Кишиневе знаком с декабристами и написал несколько стихотворений о свободе (но никогда не принимал участия в их деятельности), был сделан певцом декабристского движения, а в крайних работах даже революционером.

Подмиф Д. Факт, что начало литературной деятельности юного Пушкина совпало с победой русской армии против Наполеона, использовалась для создания образа поэта, певшего славу русскому оружию, сильной и непобедимой России. Гиперболизация этой стороны творчества Пушкина имела глубокие корни и началась еще при жизни поэта. Даже такие прогрессивные деятели как Герцен усматривали в позднейших произведениях Пушкина отклики его воспитания во время первой Отечественной войны: „...В душе его звучали торжествующие, победные клики, поразившие его еще в детстве, в 1813 и 1814 годах”²².

²⁰ А. С. Пушкин, ПСС, т. X, с. 282.

²¹ Б. С. Мейлах, *Пушкин и его эпоха*, Москва 1958, с. 177.

²² А. И. Герцен, *Пушкин и 1812 год. Соб. соч. в тридцати тт.*, т. VIII, Москва 1957, с. 22.

Во время войны Б. С. Мейлах писал, что теперь тема Пушкина и война „особенно подчеркивается в литературоведении и выдвигается как одна из наиболее актуальных”. Тот же автор отмечал: этот период „старое пушкиноведение представляло совершенно неправильно”²³. Нужно отметить, что тема реального отношения Пушкина к войне соприкасается с военным подмифом о Пушкине и помогает его понять. Однако она специально не изучалась специальными листами и должна стать отдельным большим исследованием.

Подмиф Е. Терялись всякие меры вещей в анализе мирового значения Пушкина. Его воздействие на мировую литературу считалось, согласно мифу, глобальным. Утверждалось его влияние даже на тех писателей, которые его не читали, и на литературы тех стран, где он не был переведен. Особый упор делался на страны Восточной Европы.

Таким образом, мифологическая структура приобретает вполне законченную композицию, которую можно представить следующей таблицей:

Типы мифов	Содержание мифов
Супермиф	Россия-мать Москва – Третий Рим СССР – первая в мире коммунистическая страна
Центральный миф	Александр Пушкин – великий патриот своего социалистического отечества
Подмифы	а) чисто русское происхождение б) русский язык и отсутствие иностранных влияний в) революционные заслуги г) певец военных доблестей России д) русский поэт, оказывающий влияние на весь мир

²³ Там же, с. 4.

Центральный миф как бы вбирал в себя упомянутые выше подмифы и обобщал образ великого русского писателя-патриота, национальной святыни, живого памятника, символа национальной гордости. Пушкин стал олицетворением всего самого лучшего в русском народе. После победы во второй мировой войне народ этот, согласно супермифу, стал Мессией и обрел право вести в светлое будущее другие народы и государства. Таким образом, глава страны Сталин соединялся кратчайшей линией с главным поэтом.

Спрессовывая пространные рассуждения о многочисленных газетных публикациях о Пушкине, можно сформулировать следующую тенденцию пропаганды о новых условиях. После победы патриотизм снова стал не абстрактным, но советским, социалистическим. Больше того, проявление гражданами любви к Пушкину есть доказательство „советского патриотизма”, „сознательности и общественной активности гражданина”. При этом Пушкин „приравнивается” в воспитательном значении к Ленину и Сталину. Возле монументов Пушкину начинает производиться прием детей в пионерскую организацию.

Патриотизм означал, что жизнь в Советском Союзе лучше, чем в любой стране мира и необходимо любить не просто родину, но – социалистическое отечество. Советский писатель Владимир Тендряков указывает, что после войны он читал издание сказки Пушкина *О царе Салтане* для детей, и в книге вместо одной строки стояли точки. Эта изъятая у Пушкина строка гласит:

За морем житье не худо²⁴.

Миф периода второй мировой войны о Пушкине как ортодоксальном патриоте особенно интересен потому, что власти могли найти другого русского писателя, действительного патриота. Но задача сделать величайшего поэта величайшим патриотом была очевидно более привлекательной.

Что касается реального патриотизма самого Пушкина, то естественное для каждого человека, а особенно для славянина, чувство родины было в данном случае использовано на потребу идеологии. В недавно вышедшей в США монографии впервые в пушкинистике прослеживается, как в процессе жизни фактическое отношение поэта к родине колебалось от любви к ненависти²⁵.

В официальном советском литературоведении не было принято глубоко анализировать эти аспекты биографической хроники поэта. Между тем, начиная с 18-летнего возраста до конца жизни,

²⁴ В. Ф. Тендряков, *Культура и доверие*, „Огонек” 1988, № 39, с. 9.

²⁵ Подробно об этом: Ю. Дружников, *Узник России*, *Antiquary* 1992, с. 254.

постоянной мечтой поэта было поехать за границу. Множество раз он пытался попасть в Европу на дипломатическую работу, отправиться путешествовать, наконец нелегально выехать.

Для каждого, кто знает русскую ситуацию, понятно, что тайное бегство через границу означало невозможность вернуться назад и необходимость сделаться политическим эмигрантом. Юношей Пушкин писал: „Я жажду краев чужих”, в Кишиневе пытался уйти в Грецию, в Одессе собирался „взять тихонько шляпу и поехать посмотреть Константинополь”²⁶. Он многократно добивался возможности поехать в Италию, в Африку, в Китай, мечтал об Америке. Осуществить свои желания Пушкину не удалось, многое в этой тайной части его биографии по сей день остается неясным. Однако за год до смерти великий патриот Пушкин писал в письме к жене: „...черт догадал меня родиться в России с душой и талантом”²⁷.

²⁶ А. С. Пушкин, ПСС, т. X, с. 16, 65.

²⁷ Там же, т. X, с. 454.